

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук Пушкаревой Натальи Львовны на диссертацию Вороновой Екатерины Андреевны «Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950–1960-е гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история

Яркое диссертационное исследование Е.А. Вороновой «Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950-1960-е гг.» посвящено историко-антропологическому освещению социального феномена советского отцовства сквозь призму нормативных и ненормативных (нарративных письменных, устных и иных) источников 1950-1960-х гг. Уже самой постановкой темы, формулировкой названия оно вписано в *актуальный тренд* европейской дискуссии о роли отца в семье и эмпирические исследования отцовства в разные периоды, в разных странах. Проблема отцовства, безусловно, *актуальна* для развития современного научного знания по отечественной истории, поскольку теоретически «обслуживает» проблемы социальной политики и демографии, социальной психологии и управления.

Автор выбрала общесоветский (не привязанный к определенному этносу) культурно-исторический контекст весьма важного и цельного исторического периода – излет и переживание тоталитаризма, долгое «прощание» с ним, знаменательное время XX-го съезда КПСС, распахнувшего в том числе и двери архивов, позволившего по-иному взглянуть на значимость частной жизни индивидов. Время «Хрущевской Оттепели» не случайно выделяется ныне исследователями в особое десятилетие либерализации, и для определения особенности этого периода даже не нужны какие-то пресуппозиции, едва проговариваемые смыслы и ценности: пережившие то время на личном опыте и вовсе принимают это как само собой разумеющееся, а более молодые имеют предпонятия, основанные на кинофильмах того времени, на произведениях художественной литературы, на простых воспоминаниях («устной истории»).

Однако история трансформаций гендерного порядка в нашей стране – это прежде всего важнейшая исследовательская тема, обладающая -- в силу того, что в последние 30 лет она обрела серьезные теоретико-методологические основания -- бесспорной *новизной*. Права и неполноправие, основанные на существовании

разных полов, - это проблема пресловутого гендерного равенства и его дериватов (языка разных полов, по-разному понимаемого разными полами удачи, успеха, удовлетворенности жизнью и т.д.). Гендерный порядок, основанный на нормативном формальном равенстве мужчин и женщин, был утвержден Первой советской конституцией 1918 года, став важной составляющей всего советского проекта и на протяжении десятилетий демонстрировал успехи и поражения в области государственного регулирования семейно-брачных отношений, сферы частной жизни, социальных ролей женщин и мужчин. Этакратический по своей природе, советский гендерный порядок формировался и трансформировался под влиянием разнообразных и разнонаправленных факторов: политических вызовов, экономической конъюнктуры, культурной традиции, мировых трендов.

Гендерная история сегодня - одно из наиболее востребованных и интенсивно развивающихся направлений российской и мировой историографии. Но до недавнего времени адепты ее отдавали предпочтение «женской» истории, затрагивая «мужскую» тему преимущественно в контексте экономического неравенства мужчин и женщин на рынке труда (то есть в связи с темой невидимости домашней работы, которая едва перестает быть «женской работой по дому», становится основанием для существенных финансовых затрат – на семейного врача, воспитателя, няню, репетитора, доставку продуктов, готовое питание, семейного психолога и т.д.), либо в связи с взаимоотношениями мужчин с женщинами в сфере сексуальной и репродуктивной культуры.

Исследованиями проблем маскулинности в нашей стране первыми занялись социологи, антропологи и культурологи. Феномен «советского отцовства» впервые был поставлен социологом и антропологом Игорем Семеновичем Коном, работавшим в нашем Институте этнологии РАН. Но с точки зрения процесса формирования и развития этот феномен И.С.Кон не исследовал, правда, к нему обращались некоторые коллеги И.С.Кона, в том числе и работавшие в нашем Центре гендерных исследований ИЭА РАН. Некоторые из имен перечислены в рецензируемой работе, но далеко не все были все-таки выявлены диссертанткой. В частности, нашим центром и мной в том числе подготовлены три «Мужских сборника» - «Мужчина в традиционной

культуре» (2001), «Мужчина в традиционном и современном обществе» (2004), «Мужчина в экстремальной ситуации» (2007) – но они ускользнули от внимания диссертантки, как и проведенная Российской ассоциацией исследователей женской истории большая (заявок было более 400) конференция в Смоленске - Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур (2016).

Там, конечно, именно периоду 1950-1960-х гг. и оттепели не посвящено ни одной статьи, но все же темы отцовства касались так или иначе буквально все. Роль этнографов слабее представлена в оцениваемой мной сейчас квалификационной работе, нежели роль социологов, однако что касается именно историков, то все имена, которые надо было упомянуть, в том числе зарубежных авторов, - Е.А.Вороновой похвально известны. Иными словами, она сумела доказать в историографическом обзоре, что некоторые авторы касались избранной ею темы в своих небольших статьях, но до сих пор феномен советского отцовства не стал объектом специального и комплексного исторического анализа. Эту лауну взялась заполнить диссертантка, что еще раз подчеркивает *новизну* ее работы.

Несколько менее определенным видится *хронологический отрезок*, именуемый 50–60-е годы, поскольку на эти 20 лет пришлось не только годы «Хрущевской оттепели», но и смерть И.В.Сталина, и борьба за власть до исторического XX съезда. В эти начальные годы, в начале 1950-х, тема отцовства, как можно заметить в том числе и на основании текста диссертационной работы, была все же на задворках магистральных научных дискуссий и обсуждений (хотя общественную дискуссию 1954 года Е.А.Воронова похвально заметила). И все же возникает вопрос: когда впервые, кем была поднята тема в научном смысле слова – это совершенно не ясно из историографического обзора. Научные дискуссии вокруг темы советского отцовства начались не в 1950-е годы (это следует и из историографического обзора), но когда же? И что послужило толчком к обсуждению – так, между прочим, и оставив тему на периферии научных дискуссий? Почему так сложилось, что словосочетание «советское материнство» устойчиво и не вызывает разночтений, а что такое «советское отцовство», есть ли такое понятие в современном отечественном гуманитарном знании – так и не ясно?

Верхняя хронологическая грань тоже не особо четко обоснована: в 1964-1965 гг. многое в стране изменилось, в том числе и социальная политика, так что нужно было как-то обосновать и то, что исследовательски верно и эвристически полезно было взять и годы до начала «оттепели», и несколько лет после нее.

Совсем не понятны *географические рамки* – неужто вся РСФСР? И сельская часть его, и городская? И отдаленные рубежи, и обе столицы, Москва с Ленинградом? Жизнь-то в разных концах огромной многонациональной страны была очень разной, отцы в рабочих семьях новых городах (вроде Салавата, Ангарска – возникших на основе градообразующих предприятий) относились к своей роли, возможно, совсем не так, как в рабочих семьях Москвы? Почему в диссертации не было поставлено цели изучить конкретный регион (скажем, столицу и область), а для автора имело значение распространить полученные из СМИ и иных ненормативных источников данные на всю нашу необъятную родину? Подчеркну, что спрашиваю о реальной жизни; нормативные акты, конечно же, касались всей страны и никаких поправок на регион или социальной слой не делали.

Никто не может оспорить того, что трансформация гендерных отношений, в том числе в семейно-брачной сфере, в этот период коснулась всех слоев советского общества и что она была выражена как кризис этакратического советского гендерного порядка. Диссертантка правильно расставила исходные исследовательские позиции и верно сделала вывод о том, что политическая либерализация повлекла за собой и изменения в гендерной политике, и частичную «реабилитацию» частной жизни, и формирование разноуровневых *дискурсов* – от официального до оппонировавших официальному, в том числе – и дискурса отцовства, который переместился в публичную сферу. Его диссертантка рассмотрела на нескольких уровнях - в законодательном процессе, в публичном пространстве СМИ, через субъективное восприятия современников. Этот подход определил *структуру ее работы*, которая представляется логичной и обоснованной.

Решение поставленных задач потребовали от автора привлечения широкого и разнообразного круга исторических источников. *Источниковая база* исследования репрезентативна и включает как опубликованные, так и архивные

материалы. Екатерина Андреевна ввела в научный оборот значительный комплекс новых, ранее не известных источников, преимущественно из федеральных архивов, смело привлекла интернет-ресурсы, информационный потенциал которых пока еще явно недостаточно использован в исторических исследованиях. Именно в Сети она нашла необходимые для оживления «голоса прошлого» эго-материалы, собранные на интернет-портале «Прожито». Близка с точки зрения видовой классификации и привлеченная диссертанткой такая группа источников, как собранные автором биографические записи на основании структурированного опросника, различные «устные истории» – собранные Е.А.Вороновой рассказы респондентов, имевших опыт отцовства в 1960-е годы. Однако в приложении к работе отсутствует какая-либо информация об этих собранных интервью (о которых сказано, что все 19 собраны автором, а 20-е некой Татьяной Петровой). Был ли вопросник, какого рода был гайд (структура задаваемых тем), одни ли и те же сюжеты присутствовали в рассказах о личном опыте отцовства или если нет, то чем они отличались, сколько человек, каких годов рождения, социального происхождения и уровня образования отвечало, были ли соглядатаи и со-слушатели или интервью проводились с глазу на глаз – вопросов очень много, но ответов на них в диссертации нет. Нет и ссылок на длительность рассказов ни в минутах, ни в числе расшифрованных слов.... Это обеднило диссертацию и сократило информацию о масштабах проведенной работы.

К той же группе эго-документов можно отнести и письма граждан, адресованные органам власти и управления, руководителям страны, редакциям периодических изданий: диссертантка обработала около 3 тысяч писем мужчин и женщин, затрагивающих различные аспекты мужских родительских практик в правовом поле и повседневной жизни. На основании писем ею была составлена широкая палитра мнений, в том числе «мужской» и «женский» взгляд на проблему, мнения молодых и пожилых отвечавших, среди которых были люди разного уровня образования, в том числе и городские, и сельские жители.

Информационная насыщенность источниковой базы, корректное применение специальных исторических и междисциплинарных методов исследования, критический подход и компаративный анализ привлеченных

материалов позволяют оценить основные положения и выводы диссертации как достоверные и обоснованные.

Оттолкнувшись от понимания советского гендерного порядка как порядка этакратического, Екатерина Андреевна сделала своим основным контекстным полем, в котором она наблюдала процессы презентации и трансформации отцовства, изменения представлений современников о роли главы семьи и о мужской власти, - именно семейно-брачное законодательство. Повышенный интерес к записанному в законах – историографическая традиция, ведущая свое начало со времен государственной школы XIX века, и силы ее мощны и неизбывны.

Поэтому для презентации предпосылок и побудительных мотивов дискуссий периода «оттепели» автор весьма подробно остановилась и на предшествующих десятилетиях, весьма профессионально проанализировав изменения государственной семейной политики и законодательной нормы в отношении прав и обязанностей отцов от первых постреволюционных лет до 1950-х годов. Хотелось бы больше слышать и осознать живую историю, читать слова современников, однако и подход Екатерины Андреевны имеет право на существование. Она подробнейшим образом осветила различные проекты семейно-брачного кодекса, сочтя нужным привлечь к анализу не только опубликованные нормативные акты, но все релевантные документы, хранящихся в архивных фондах.

Вообще целью диссертации обозначена “реконструкция процесса формирования и трансформации представлений о роли отцов и отцовства в 1950-х – 1960-х годах” – при этом в формулировке цели не сказано ни о стране (СССР), ни о ее части (РСФСР), ни о том, для чего такая реконструкция нужна. В какую область исторического знания тут вносится вклад, для чего? чтобы лучше понять или переинтерпретировать какие-то известные данные или факты? Чтобы объяснить какие-то более поздние процессы? С моей точки зрения, формулировка цели оборвана, фраза не дописана до конца.

Положения и выводы диссертации основаны на сравнении нормативного и общественного дискурсов отцовства – и это очень важно, это примененный на практике прием сопоставления идеальной нормы и реальности, их пересечений.

Автор талантливо показала, как существующие предписания и требования в совокупности с социокультурными стереотипами отразились на представлениях современников о «мужской» сфере ответственности по отношению к детям – с одной стороны, и в какой степени общественные представления и ожидания повлияли на изменение законодательной нормы - с другой. К слову сказать, раздел по теоретико-методологическим основаниям работы прописан очень самостоятельно и очень удачно.

Е.А. Воронова выделила несколько связанных с отцовством проблем, вызвавших наибольший общественный резонанс и послуживших «точками пересечения» официального и общественного дискурсов: это (1) феномен «безотцовщины», равно как связанная с ним идентификация отцовства через запись в свидетельстве о рождении (метрике), это (2) алиментные обязательства, это (3) роль отца как воспитателя и наконец (4) нормы и девиации в поведении отцов.

В итоге своего исследования диссертантка пришла к ожидаемому выводу о том, что в течение 1950-1960-х гг. сначала на субъективном, в том числе индивидуальном, уровне, а потом и в законодательстве, произошло расширение сферы ответственности отцов. Я не могу вполне согласиться с тем, что «не только в материальной, но и в социальной сфере фигура отца стала общественно более значимой» (с. 159) – полагаю, что после войны, когда значимость мужчины в доме символически выросла, уже дальше повышать роль отца в семье было просто некуда. Возможно, Екатерина Андреевна оспорит мое мнение, но я полагаю, что время оттепели, скорее, изменило баланс сил в городской семье (особенно в семье образованных людей, интеллигенции) и отцы получили дополнительное свободное время (по сути, оторванное у женщин, занятых домашней работой) и *общественное поощрение*, когда мужчины и, следовательно, отцы могли себя лучше и заметнее проявить.

Совершенно верно диссертантка сделала вывод о том, что - несмотря на регламентирующие предписания - общепринятой «нормы» отцовства не существовало, его «идеальная» модель оставалась размытой и неопределенной, строилась на принципе «от противного» - на критике девиантных форм отцовского поведения, аккумулированных в образе «отца-подлеца».

Закреплению самооценности отцовства в картине мира мужчины препятствовали существующие стереотипы, в том числе представления о советской «гегемонной маскулинности» (с. 160-161).

Формулируя объект и предмет своего исследования, автор сумела элегантно дистанцироваться от традиционных попыток реконструировать событийную реальность («как оно на самом деле было») и подчеркнула, что в ее фокусе - не реальные родительские практики отцов, а их актуальная и ретроспективная репрезентация (с. 14). Это мудрое решение, и мы, читатели диссертационного труда, таким образом можем лишь оценить насколько точно Екатерина Андреевна сумела считать и понять выявленные ею «отражения». Она совершенно верно заметила, что они отрефлектировали реальный родительский опыт мужчин, и именно в этом ключе она размышляла в третьей главе своей работы, посвященной анализу реальности, отраженной в мужских дневниках и ретроспективных интервью. В итоге, основываясь на эго-документах и устной истории советского отцовства, Е.А. Воронова выделила три модели «мужского родительства» и обозначила их как (1) отсутствующее отцовство, (2) ситуативное отцовство и (3) вовлеченное отцовство (с. 218). Общим позитивным трендом в распределении гендерных родительских ролей она назвала повышение общественного статуса отца, хотя доминирующие позиции в сфере ответственности за детей все еще и по-прежнему, резюмировала Е.А.Воронова, принадлежали матери (с. 222). С этим трудно не согласиться.

В своем отзыве я высказала некоторые замечания и недоумения, однако они не повлияли на мое желание оценить данную квалификационную работу как исключительно самостоятельную и добротную. Диссертация Е.А.Вороновой представляет собой завершенное оригинальное исследование актуальной научной проблемы, характеризуется новизной, теоретической и практической значимостью, вносит существенный вклад в изучении социальной и демографической истории России XX века, в историческую фамилистику (семьеведение). Выносимые на защиту основные положения диссертации убедительно доказаны и подкреплены необходимым фактическим материалом. Само диссертационное исследование прошло необходимую апробацию на российских и международных конференциях, его результаты отражены в

автореферате, 3 статьях, индексированных в списках ВАК и еще 7 публикациях соискательницы ученой степени в рецензируемых и других изданиях. Не сомневаюсь, что проведенная Е.А.Вороновой работа станет основой значимого монографического исследования, так что мои вопросы и замечания нацелены, скорее, на будущее.

Нынешняя же диссертация «Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950-1960-е гг.» полностью соответствует научно-квалификационным критериям, определенным действующим «Положением о присуждении ученых степеней» (пункты 9-14), а ее автор Екатерина Андреевна Воронова безусловно заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук

(специальность: 07.00.07 (5.6.4.) – Этнография, этнология и антропология),

(кандидат исторических наук, специальность: 07.00.02 (5.6.1.) - Отечественная история),

главный научный сотрудник, профессор,

заведующая Центром гендерных исследований

ФГБУН Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Н.Л. Пушкарева

« 17 » мая 2022 г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, 32а

Сайт: <https://iea-ras.ru/>

pushkarev@mail.ru

Тел раб.: (499) 954-80-78

